

КРЕСТ

ХРИСТОВ

Умилительные слова о крестных
страданиях Спасителя

Дмитрий Геннадьевич Семеник

Крест Христов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22098354
ISBN 5-98891-091-2

Аннотация

...У евреев, если верить Талмуду, существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник был казнен не сразу после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиверием, по которому смертная казнь совершалась не раньше, чем через 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни тот, ни другой обычай не был соблюден. Отсрочка казни простиралась только на обыкновенных преступников, а возмутители общественного спокойствия, враги Моисея и кесаря, каким клевета представила Иисуса, не имели права на эту милость: их казнь тем была законнее, чем скорее совершалась. Итак, Иисус Христос сразу после осуждения был предан воинам, которые у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть в собственную Его одежду: этого требовал обычай и, может быть, жалость. Молчание евангелистов не

позволяет сказать решительно: был снят при этом и терновый венец или оставался на голове Господа до самого снятия Его с креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточно поводов оставить венец на главе Господа, так как, по их представлению о Нем, он был весьма кстати, подтверждая то, о чем говорила надпись.

Содержание

Святитель Иннокентий Херсонский	6
Распятие	6
Иисус на кресте	22
Митрополит Сурожский Антоний	41
Крестный путь Христов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Семеник

Крест Христов

Умилительные

слова о крестных

страданиях Спасителя

Для Бога нет времени. Христос и сейчас распят за нас.

Тяжело тебе – посмотри на Крест Христов и познай, что такое тяжесть.

Радостно – взгляни на Крест, которым пришла к тебе радость.

Грешить – посмотри, в Кого забиваешь гвозди.

Делаешь добро – вспомни, Чьё оно на самом деле.

Тебе кажется, что тебя не любят, – взгляни на Любовь, распятую ради тебя.

Не надеешься на исполнение твоей молитвы? Вот Крест, на котором распялся Бог, чтобы ты знал, что всё получишь.

Этим Крестом живём. С надеждой на него умираем. Им воскреснем!

Святитель Иннокентий Херсонский

Распятие

...У евреев, если верить Талмуду, существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник был казнен не сразу после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиверием, по которому смертная казнь совершалась не раньше, чем через 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни тот, ни другой обычай не был соблюден. Отсрочка казни простиралась только на обыкновенных преступников, а возмутители общественного спокойствия, враги Моисея и кесаря, каким клевета представила Иисуса, не имели права на эту милость: их казнь тем была законнее, чем скорее совершалась. Итак, Иисус Христос сразу после осуждения был предан воинам, которые у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть в собственную Его одежду: этого требовал обычай и, может быть,

жалость. Молчание евангелистов не позволяет сказать решительно: был снят при этом и терновый венец или оставался на голове Господа до самого снятия Его с креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточно поводов оставить венец на главе Господа, так как, по их представлению о Нем, он был весьма кстати, подтверждая то, о чем говорила надпись.

Потом воины, как было принято, возложили на Иисуса Христа крест и повели Его за город, где производились казни. Для такого шествия обыкновенно выбирались главные улицы, и оно с намерением делалось как можно продолжительнее; но теперь ограниченность времени не допускала ни малейшего промедления, ибо до пасхального вечера, который был если не столь свят, как предшествующий, в который сносили пасху, то еще более торжествен и праздничен, оставалось всего несколько часов. Поскольку по закону распятых нельзя было оставлять на крестах после полуночи, а крестная смерть, как мы видели, была долгой, то распятие Иисуса Христа следовало отложить до другого времени, если бы не было принято в особых случаях прерывать жизнь распятых насильственной смертью. Синедрион, при всем желании продлить как можно более мучения личного врага своего, должен был решиться на это средство: иначе во время праздника пришлось бы опасаться возмущения народного в

защиту Иисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрелище! Тот, Чьи беседы в храме народ иерусалимский всегда слушал с восторгом, Который, казалось, повелевал всей природой, давая исцеление слепорожденным, изгоняя бесов, воскрешая мертвых, Которому еще за несколько дней оказывалось уважение как потомку Давида, как царю Израилеву, проходил пространными улицами и площадями иерусалимскими посреди двух злодеев, влача за Собой тяжелый крест! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанные некогда Иисусом Христом о Своем униженном состоянии: *блажен, кто не соблазнится о Мне* (Мф. 11, 6)!

«Возможно ли (так могли думать многие даже из тех, кто до сих пор надеялся увидеть в Иисусе Христе обетованного пророками Избавителя), возможно ли, чтобы Мессия подвергся такой участи, какой подвержен теперь Иисус? Кто сам не в состоянии избавить себя от поносной казни, тот может ли принести избавление бедному народу иудейскому? Разве не обманываемся мы все, ожидая восстановления царства Израилева, надеясь на пришествие Мессии сильного и могущественного? Но так учили нас отцы наши; так, говорят, писано в законе и пророках. И для чего бы все пророки за несколько веков в таких величественных выражениях предвозвещали пришествие Мессии, если Мессия будет таким человеком, каким является теперь Иисус, если ему суждено, ничего не сделав для народа, стонущего под игом бедствий,

окончить жизнь свою поношной смертью? и какая смерть? Крестная!.. *О, проклят всяк, висящий на древе!* Нет! Что бы кто ни говорил, а это знамение не спасения, а клятвы: верно, Сам Бог нашел что-либо преступное в Этом Человеке».

Так могли думать некоторые. С другой стороны, колеблющаяся вера последователей Иисусовых имела для себя немалую опору. В ком было сердце, чуткое к истине и добродетели, знакомое с высокими чувствами веры и святой любви, тот не мог согласиться с фарисеями и книжниками, выставившими Иисуса Христа в виде обольстителя с нечистыми помыслами. «Нет! Он не обольщал нас, когда говорил с такой сладостью о любви к Богу и ближнему, когда раскрывал перед нами святые пути Промысла, взывал нас к подражанию вере и добродетелям наших праотцев; когда сердце наше пламенело тем чистым восторгом, которого никогда не вызывали беседы фарисеев и книжников. Поведение Его совершенно достойно Сына Давидова. Если бы Он искал земной славы, то сколько представлялось Ему случаев действовать силой! Не смирение ли и кротость Его были причиной того, что фарисеи так легко взяли Его? Ему приписали мятеж и измену, но это явная клевета, изобретенная первосвященниками за то, что Он обличал их пороки, от которых мы страдаем. Не сам ли Пилат объявлял Его несколько раз невиновным и во время осуждения назвал праведником? Его осудили на смерть крестную, но Он, слышно, Сам давно предрекал эту смерть, говорил, что Ему от Самого Бога предопреде-

лено пострадать для спасения Израиля. Мы, слушая наших (слепых) учителей, не ожидали подобных событий. Но разве нам известна вся судьба Мессии? Кто постиг весь смысл пророчеств, в которых Он изображается и страдающим? Не сами ли книжники противоречат себе, когда описывают лицо Мессии? Притом, еще не все окончится с Его смертью. Он обещал, как слышно, чрез три дня воскреснуть. О, если бы сбылось это обещание!...»

Поступок с Иисусом Христом Ирода, конечно, многим напомнил Иоанна Крестителя, им убитого, а воспоминание всеми уважаемого и любимого Иоанна устраняло соблазн, происходящий от креста Иисуса, ибо все знали, что Иоанн признавал Его Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира, и так высоко ставил Его, что почитал себя недостойным служить Ему вместо раба (Ин. 1,27)...

За осужденными следовало великое множество народа. Казни среди праздников для набожных иудеев, какими становились в это время весьма многие, были делом неприятным и отвратительным. Но казнь Пророка Галилейского, в Ком многие надеялись увидеть Мессию, невольно привлекала всякого. Между тем, она сделалась теперь известной всему Иерусалиму, вмещавшему во время Пасхи несколько сот тысяч жителей.

С народом Господь не беседовал. Было время для имеющих уши слышать; теперь оставалось имеющим очи видеть. Само несение креста и изнеможение препятствовало Ему го-

ворить, тем более для шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли некоторых женщин вывели однако же Господа из безмолвия. То были не ближайшие ученицы Его, которых мы увидим на Голгофе и которым не могло быть сказано то, что теперь будет сказано, а частью жены иерусалимские, может быть, матери детей, которые пели Ему «осанна», частью – другие из пришедших со всей Иудеи на праздник. Ничто не могло удержать их от слез при виде Иисуса, изнемогающего под тяжестью креста: ни присутствие первейших лиц синедриона, которые пылали ненавистью ко Господу и ко всякому, кто был к Нему привержен, ни опасение прослыть в народе соучастницами в преступлениях, приписанных Пророку Галилейскому, – они открыто предавались всей горести, к какой только способны сердца чуткие и безутешные...

Для Господа, Который обещал не забыть даже чаши студеной воды, поданной во имя Его (Мф. 10, 42), сострадание жен не могло не иметь значения. Но смерть, на которую шел Он, была превыше обыкновенных слез сострадания: надлежало плакать и сокрушаться всем коленам Израилевым, только не о том, о чем плакали жены.

«Дщери иерусалимские! – сказал Господь, обратясь к ним, – не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших».

(Такое дивное запрещение плакать о Нем, когда Он, изнемогая под крестом, шел на очевидную и мучительную

смерть, могло быть совершенно понято лишь после Воскресения Иисуса Христа; но совет плакать о себе и о чадах своих и теперь давал понять женам и каждому, какое великое различие между чувствами Иисуса Христа, в таком положении не оставляющего мысли и заботы не только о настоящей, но и о будущей судьбе чад Иерусалима, и бесчувствием первосвященников, которые перед Пилатом с таким безрассудством призывали на своих соотечественников кровь Праведника.)

«Ибо, – продолжал Господь, – приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23, 29–31.)

Нельзя было сильнее изобразить бедствий, угрожавших Иерусалиму. Бездетность почиталась у иудеев самым тяжким несчастьем и наказанием Божьим: а потому дойти до того, чтоб завидовать бездетным, значило придти в полное отчаяние. Так выражались и пророки (Ос. 10, 8; Ис. 2, 10–19; Откр. 6, 16), когда от имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступления. Но эта угроза произнесена Сыном Человеческим без всякого чувства личного негодования на неблагодарных соотечественников. Он не говорит, что наступают дни, когда вы, пославшие Меня на казнь, *скажете*, а говорит просто: *скажут*, ни мало не касаясь личных врагов Своих. Высочайшее чувство самоотвержения заставляет Его забыть все собственные страдания, и Он запрещает плакать

о Себе; но истинное чувство любви к бедному отечеству побуждает не скрывать ужасных зол, его ожидающих, в предостережение тем, которые еще могли внимать истине. Это была последняя проповедь покаяния, которую народ иудейский слышал из уст своего Мессии, произнесенная с самым нежным чувством любви к ближним. Войны, глад, язвы и прочие бедствия, за которыми следовало разрушение Иерусалима, действительно, должны были обрушиться всей своей тяжестью на беременных женщин и матерей, имеющих грудных младенцев. Так и прежде, изображая ученикам Своим эти бедствия, Господь представил особенно участь жен непраздных: *горе питающим сосцами в те дни* (Лк. 21, 23; Мк. 13, 17; Мф. 24, 19)!

Слова: «*Если с зеленеющим деревом (со Мной) это делают; то с сухим что будет*» (с народом иудейским), – значат много, очень много ужасного для народа иудейского. Но и в этих словах нет никакого личного негодования. Это присловие, непрестанно переходившее из уст в уста; и когда же приличнее было употребить его, как не теперь, для вразумления всех и каждого? Если вожди народа иудейского, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здесь с сухим деревом (обыкновенный у пророков символ людей нечестивых), то это сравнение еще с большей выразительностью уже звучало из уст Иоанна Крестителя, когда торжественное посольство от лица синедриона спрашивало его, не он ли Мессия (Мф. 3, 10).

В то время, когда Иисус Христос в последний раз предостерегал таким образом Своих соотечественников, слова Его, вероятно, были приняты с любовью немногими. Но во время разрушения Иерусалима, происшедшего спустя несколько лет, самые упорные враги Господа должны были вспомнить их. Нельзя без содрогания читать описания тогдашних бедствий народа иудейского. Состояние матерей было таково, что некоторые из них решались убивать собственных детей для снеди... Тогда скалы и пещеры палестинские, служившие во время войн обыкновенным убежищем иудеев, сделались, как предрекал теперь Господь, гробами для многих тысяч несчастных, которые действительно призывали сами на себя смерть как последнюю отраду.

Когда приблизились к городским воротам, Иисус Христос изнемог до того, что не в силах был далее нести Своего креста и, как говорит древнее предание, преклонился под ним. Человеколюбие ли римского сотника, распорядившегося казнию, или бесчеловечие иудеев, опасавшихся, что жертва их злобы может умереть до казни, были причиной, только воины решились помочь Иисусу и, вопреки обыкновению, возложить Его крест на другого. Провидение не умедлило послать для этого человека, некоего Симона, родом или прозванием Киринейского, который, возвращаясь с села, встретил стражу, ведущую Иисуса, при самом выходе из города. Воины тотчас *захватили* его и *заставили* нести крест Иисусов: поручение тягостное и, при настоящих обстоятельствах,

чрезвычайно бесчестное; а поэтому весьма вероятно догадка некоторых, что Симон был из числа последователей Иисуса Христа и при встрече с Ним подал какой-либо знак сострадания, из-за чего воины сами или по совету иудеев решились возложить на него крест. По крайней мере, три евангелиста (Мф. 27, 32; Мк. 15, 21; Лк. 23, 26) не без причины почли нужным передать потомству имя и род человека, который нес крест Господа, и причину эту следует искать в том, что Симон нес крест не по одному принуждению, а с любовью к Распятому на нем; или в том, что он впоследствии совершенно узнал цену креста Иисусова и носил его до конца своей жизни. Св. Марк упоминает еще, что Симон был отцом Александра и Руфа, которые, по крайней мере, во время написания Маркова Евангелия, принадлежали к числу христиан и были всем известны по своим добродетелям: иначе упоминание о них не имело бы никакого смысла. Руф, видимо, есть тот самый, которого ап. Павел в послании к Римлянам (16, 13) называет избранным в Господе и которого память он столько уважал, что мать его именовал своей матерью. Такого семейства был главой Симон, удостоенный Провидением высочайшей и единственной чести – разделить с Господом тяжесть Его собственного креста!..

Чтобы кто-либо, видя Симона, несущего крест, не подумал, что он сам осужден на распятие, воины, возложив на него крест, заставили Иисуса Христа идти прямо впереди него. Новое положение это, являясь некоторым облегчени-

ем, в то же время могло служить для врагов Господа поводом к новым клеветам и насмешкам. Казалось, Провидение с намерением соединяло у креста Иисусова все, что могло быть мучительнейшего и более поносного, дабы Начало-вождь спасения человеческого собственным опытом узнал все...

Между тем как воины ставили и укрепляли кресты, Иисусу Христу дано было, по древнему обычаю, питье, состоящее из вина, смешанного со смирной. Такое смешение, вызывая помрачение рассудка, делало менее мучительными страдания распятых. Судя по тому, что в числе последователей Иисуса Христа было довольно людей весьма богатых и усердных, следовало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будет приятно, по крайней мере, не отвратительно: между тем, оно было горько, как желчь, и кисло – как уксус. Обстоятельство это заставляет думать, что напиток готовили враги Иисуса Христа и что мирра и вино взяты были самые плохие.

Не были ли даже добавлены при этом настоящие желчь и уксус? Бесчеловечность врагов Иисусовых делает это возможным, а слова ев. Матфея подтверждают эту мысль (Мф. 27, 34). В таком случае, чтобы понять евангелистов, следует предположить, что одни подносили Господу вино, смешанное со смирной, как то упоминается у ев. Марка, а другие – враги Его – давали Ему пить уксус с желчью, как повествует Матфей. Впрочем, нет особенной нужды допускать, что евангелисты говорят не об одном и том же питье: ибо сло-

во, употребленное св. Матфеем, означает не один уксус, а всякую кислоту, и в частности, вино плохое, окисленное, какое, без сомнения, и давалось преступникам. Равным образом, и желчь означает всякую горечь, особенно смирну, которая у евреев и называлась горечью. А поэтому, говоря словами Феофилакта, уксус с желчью значит то же у св. Матфея, что у св. Марка вино со смирной: ибо и вино могло быть названо уксусом из-за очень кислого вкуса, и мирра – желчью, потому что она весьма горька. Так точно понимал сказания евангелистов в свое время и блж. Августин, основываясь, между прочим, на древнейшем сирийском переводе Евангелия Матфеева, где вместо желчи стоит слово, означающее вообще горечь. Ев. Матфей, заменяя смирну желчью и вино уксусом, без сомнения, имел в виду выражение псалма Давида (по переводу Семидесяти): *дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом* (Пс. 68, 22).

Господь принял в руки чашу с питьем, но, отведав, отдал назад. Чаша холодной воды, может быть, была бы Им выпита, потому что продолжительное изнеможение сил, в котором Он находился, вызывало жажду; но питье, притупляющее чувства, было недостойно Того, Кто один за всех пил чашу гнева Божьего. Несмотря на жестокость мучений, ожидавших Его на кресте, Сын Человеческий хотел претерпеть их все в полном сознании. Другого прохлаждающего питья без смирны или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старейшины, несмотря на великий день праздника, все находились на Голгофе. Могли опасаться, что без их личного присутствия непостоянный народ изменит отношение к Иисусу Христу; или последователи Его отважатся остановить казнь. Но скорее всего, на Голгофу их привело желание быть свидетелями бесчестия и мучений умирающего Иисуса, отравить последние минуты Его клеветой и насмешками, не позволить хоть немного облегчить Его страдания, видеть образ мыслей собравшегося во множестве народа и сформировать по своему желанию его мнение.

Ах, природа человеческая обнаружилась уже во время суда над Иисусом Христом с такой мрачной и низкой стороны, что от нее, не искажая исторических фактов, можно ожидать теперь всего!..

Приступая к изображению самого распятия и смерти Божечеловека, честно признаемся, что мы с душевным трепетом касаемся этого предмета: надо повествовать о том, что вызывает благоговейное удивление самих ангелов (1 Петр. 1, 12)... Творец видимых и невидимых (Ин. 1,3; Кол. 1,16), Который мог призвать, даже сотворить легионы ангелов (Мф. 26, 53) для исполнения воли Своей, возносится на крест, подобно преступнику, и подвергается ужасным мучениям!.. Единородный Сын Божий оставляется среди мучений смертных Отцом, у Которого Он имел славу, прежде мир не бысть (Ин. 17, 5), с Которым Он есть едино (Ин. 10, 30. 5, 23) по существу и славе! Господь всяческих, имеющий жизнь в Са-

мом Себе (Ин. 5, 26) и дающий бытие всякой твари, истаивает от жажды, умирает, как последний из сынов человеческих! Это такие понятия, которых никогда не создало бы самое пламенное воображение, если бы они не были преподаны верой; это премудрость Божья тайная, сокровенная, которая, будучи от век предназначена в славу нашу, никем однако ж не была познана, доколе Бог не благоволил открыть ее святым Своим (1 Кор. 2, 7–8). Здесь по необходимости теряется всякое соответствие слова и изображаемого предмета, и повествование, само по себе слабое, становится еще более поверхностным и косноязычным. Сами евангелисты в этом случае изображают Иисуса Христа, так сказать, только по плоти (1 Кор. 2, 7–8), как Он представлялся чувствам зрителей, не раскрывая того, что происходило в Его духе, не изъясняя тайны внутренних страданий Богочеловека. Кто хочет знать эту тайну (а не участвуя в ней живой верой и живой деятельностью, нельзя быть истинным христианином), тот должен обратиться с молитвой к Самому Духу Божьему (1 Кор. 2, 10), Который один предвозвещал Христовы страдания до совершения их (1 Петр. 1, 13), один и возвещает тайну этих страданий после их совершения. Слово Божье объявляет только, что для понимания всей силы страданий Христовых надо сораспяться со Христом и спогребстись Ему (Рим. 6, 4). А один из уразумевших свидетельствует, что после этого разумения весь мир покажется *ничем* (Флп. 2, 8).

Когда кресты были укреплены в земле, воины, как обыч-

но, сняли с Иисуса Христа всю одежду, взяли пречистое тело Его, приподняли на крест, распростерли руки и начали прибивать их к дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вместо стонов и воплей, обыкновенных и неизбежных в таком случае, из уст распинаемого Господа послышалось другое: в ту минуту, когда, по всей вероятности, ожесточенные враги Его со злобной радостью впились взором в Его лицо, ожидая видеть выражение муки, Господь кротко возвел очи к небу и сказал: *«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»*.

Таково послушание даже до смерти, и смерти крестной! Того, Который предал Его в руки врагов, попустил осудить на мучения и смерть, Божественный Страдалец называет Своим Отцом, точно так же, как называл Его при гробе Лазаря (Ин. 11, 41) или когда глас с неба при всем народе свидетельствовал о Его Божественном достоинстве (Ин. 12, 28). Заповедав последователям Своим молиться за врагов, Богочеловек подает теперь пример этой высокой молитвы, подает в минуту ужаснейших страданий от врагов Своих. Непосредственно слова этой молитвы, конечно, относились к распинавшим воинам (которые виновны были не тем, что исполняли дело своего звания, но что, подчинившись желанию иудеев, обнаруживали излишнюю жестокость); но по сути своей ходатайственная молитва Господа обнимала собой всех врагов Его: из нее не исключался ни Каиафа, ни Пилат, ни Ирод.

Ибо все они, по своей злобе или по лукавству, действительно не знали сами, что делали. «Ибо если бы знали, – говорит св. Павел, – то не распяли бы Господа славы» (1 Кор. 2, 6–8).

Впрочем, это не значит, что не было виновных в смерти Господа. Кто бы не смог понять, если бы захотел, того, что понял и с такой силой исповедал даже отчаянный Иуда? Поэтому-то и Господь говорит: «Прости им!» Без молитвы Господа, может быть, природа не перенесла бы поругания Творцу своему и враги Его, подобно врагам Моисея и Аарона (Числ. 16, 32), были бы поглощены землей, которая с трепетом держала на себе Его крест.

Иисус на кресте

После Иисуса Христа распяли и двух преступников, одного по правую, а другого по левую сторону. Такое положение было выбрано специально, чтобы Святой Святых и на кресте представился как бы преступнейшим из злодеев. Дьявол, по замечанию св. Златоуста, хотел через это помрачить славу Господа: но, сам не зная, увеличил ее, потому что через это исполнилось одно из пророчеств о том, что Иисус Христос будет *к злодеям причтен* (Ис. 53, 12).

После совершения казни над главами распятых, по обыкновению, прибиты были выбеленные дощечки, на которых изображалось их имя и преступление. В надписях разбойников не было никакого отступления от обыкновенной формы. Но над главой Господа вместо изъяснения вины, сверхчаяния, увидели следующие двусмысленные слова: «Иисус Назорянин, царь Иудейский» (Ин. 19, 19). Притом надпись эта была не только на латинском или иноземном языке, как обыкновенно делалось, а на всех основных для того времени языках, то есть латинском, греческом и иудейском. Так было сделано с особенным намерением по приказанию самого Пилата. Надпись составляла то же самое обвинение, по которому Иисус Христос был осужден на смерть: присвоение достоинства царя Иудейского; только оставалось нерешенным: законно или незаконно присваивал Он Себе это достоинство,

признали Его иудеи своим царем или не признали? Судя по надписи, каждый скорее мог подумать, что это действительно царь Иудейский, которого подданные не смогли защитить от римлян или который изменнически оставлен ими. Три языка для надписи были использованы Пилатом, потому что чужестранцы и многие из иудеев, пришедших на праздник из отдаленных стран, плохо знали еврейский язык. Притом, такая торжественность еще более позволяла думать, что Распятый есть важное политическое лицо, а следовательно, подвергала гордый синедрион еще большему осмеянию. «Вот как, могли говорить, поступают с царями иудейскими! Вот какого Мессию ожидают иудеи! Как они безрассудны, слепы!..»

Первосвященники тотчас поняли смысл надписи и поспешили к Пилату с просьбой, чтобы он изменил ее. «Не надо, – говорили они, – писать: царь Иудейский, а написать, как Он говорит: Я царь Иудейский. То есть пусть каждый знает, что мы не признавали Его царем, а Он Сам выдавал Себя за Мессию».

«Что я написал, то написал», – был ответ прокуратора, и первосвященники со стыдом и досадой возвратились на Голгофу, чтобы насытить свое чувство мести...

Разделив одежду, воины оставались у креста в качестве стражи, которая приставлялась к распятым, чтобы тела их не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребения; и теперь была тем нужнее, что толпы

стекавшегося народа могли устроить беспорядок.

Когда распинали Господа, враги Его, по-видимому, не издевались над Ним. Народ также стоял только и смотрел (Лк. 23, 35). Появление надписи над главой Его послужило как бы знаком к всеобщим насмешкам.

Толпа народа, всегда буйная, читая надпись, кивала головой и кричала: «Уа, тридневный восстановитель храма! Уа, царь Израилев! Что же Ты медлишь спасти Себя? Вот какой Ты Сын Божий, что не можешь сойти с креста» (Мк. 15, 29)!

Первосвященники и старейшины не только не препятствовали черни издеваться над умирающим Господом, но и сами всячески ругали и злословили Его. Насмешки и поругания оставались единственным средством, которое они могли противопоставить хитрости Пилата, хотевшего осмеять их посредством надписи. Между тем, у первосвященников лежало на сердце еще нечто, гораздо важнее надписи, что побуждало их участвовать в самых низких насмешках. Теперь всем сделалось известно, что они – единственная причина столь ужасной казни для Иисуса и что Пилат долго не хотел осудить Его. Необходимо было оправдать перед народом свое злодеяние и настроить общественное мнение так, чтобы чужеземные иудеи, собравшиеся со всех уголков на праздник, не разнесли по свету историю, как синедрион из низкого честолюбия предал позорной смерти праведника, едва ли даже не Мессию. Для такой цели поругания и насмешки казались самым лучшим средством: ибо опыт доказывает, что

достоинейшие люди теряют авторитет, когда по какой-либо причине подвергаются осмеянию.

Лицемеры, по обыкновению, приняли вид усерднейших служителей Бога Израилева, строжайших ревнителей закона и, обращаясь к народу, говорили:

«Смотрите, других спасал, а Себя не может спасти! Напрасно ли мы уверяли вас, что от Этого Человека нельзя ожидать ничего доброго? Что друг мытарей и грешников рано или поздно займет место посреди злодеев? Что осквернение субботы не останется без небесного отмщения? Нам не верили, думали, что Он свят; вот теперь самое дело показало, мы ли говорили правду или Он! Кто не ожидает Мессии? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествие. Но ужели мы обязаны веровать в Мессию на кресте? И много ли нужно доказательств? Если Он действительно царь Израилев, пусть сойдет сейчас с креста, и мы тотчас же уверуем в Него» (Мк. 15, 32).

«В самом деле, – издевались прочие старейшины, – это совсем не царский престол. Теперь видно, каков Он Сын Божий и каковы Его чудеса. Оставил ли бы Отец собственного Сына в таком положении? Он уповал на Бога, пусть же теперь избавит Его Бог, если Он угоден Ему» (Мф. 27, 39–43; Мк. 15, 29–32; Лк. 23, 35). Последние насмешки суть те же самые, которые Давид в вышеприведенном псалме влагает в уста врагов праведника, им описываемого. Так верно исполнялись пророчества в действиях, даже несознатель-

ных, тех самых людей, которые исполняли их. При насмешках, бесстыдно повторяемых самими властями иудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшие на страже, говорили Иисусу Христу: «Если Ты царь Иудейский, то зачем не спасешь Себя?» Такая насмешка в устах римских воинов могла быть плодом только самого слепого подражания. Когда иудей кричал таким образом, то выражение: *царь Израилев, для чего не спасешь Себя* – у него имели смысл и силу, ибо Мессия, по его мнению, должен быть чудотворец, следовательно иметь возможность помогать себе во всех случаях; язычник, напротив, под царем Иудейским подразумевал обыкновенного человека, из чего никак не следовало, чтобы он мог сойти сам с креста. Но грубые воины нимало не заботились о смысле слов своих, бездумно повторяя слышанное от других. Св. Лука упоминает еще (Лк. 23, 36), что воины подносили Иисусу Христу кислое питье, без сомнения, то самое, которым они имели обыкновение утолять свою жажду, находясь под открытым небом в жаркий полдень. Значит, между насмешками они не забывали и сострадательности к распятым, которые от мучений еще сильнее их должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетание в грубых людях доброго с худым, человечности со зверством.

Молчания, по крайней мере, можно было ожидать от тех несчастных, которые сами висели на крестах. Но и из них один, по свидетельству евангелистов, злословил Иисуса, требуя, чтобы Он как Мессия спас и Себя, и их. Хотел ли

этот несчастный в помрачении рассудка, вызванном смирной, только развеселить себя, участвуя в общих насмешках? Или действительно, по неведению, почитал Иисуса Христа виновным и достойным казни? Или даже гордился тем, что участвовал в возмущении за свободу, и думал низко о Том, Кто, называя Себя Мессией, не произвел никакого переворота? Во всяком случае, видно развращенное сердце, виден грешник, который хочет перейти нераскаянным и в другой мир (Лк. 23, 39–43).

Тем более возвышенный образ мыслей обнаружился в другом распятом. Хула на Иисуса Христа была для него нестерпимее креста. «Ужели в тебе, – сказал он хулившему, – совершенно нет страха Божьего, что ты издеваешься над тем, что сам терпишь? И мы осуждены праведно, терпим по делам; а Он, Он не сделал никакого зла!»

Слова эти как бы дали ему смелость изъяснить перед Самим Господом чувство веры и уважения, таившееся в его сердце. *«помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»*

«Истинно говорю тебе, – отвечал Господь, – ныне же будешь со Мною в раю»...

Торжество злоречия и клеветы не было продолжительно: вскоре после распятия Господа Промысл начал являть, что Он не даст святому Своему увидеть тления (Деян. 2, 27). Среди ясного полдня небо вдруг покрылось мраком (Мф. 27, 45; Мк. 15, 33; Лк. 23, 44), как бы во свидетельство, что ве-

ликое дело тьмы приближалось уже к своей полуночи. Мрак этот походил на солнечное затмение; впрочем несколько не был его следствием, потому что Пасха иудейская всегда совершалась во время полнолуния, когда луна не может находиться между землей и солнцем и вызвать солнечное затмение. По мнению Златоуста, Феофилакта и Евфимия, мрак во время распятия Иисуса Христа происходил от сгущения облаков между землей и солнцем, произведенного сверхъестественной силой.

Ев. Матфей говорит, что *тьма наступила по всей земле*. Хотя выражение это не должно понимать буквально, как справедливо замечено еще древними учителями Церкви, потому что земля у св. писателей часто означает одну какую-либо страну, особенно иудейскую, даже один город; впрочем, нет никакой причины ограничивать помрачения воздуха одной Палестиной. Оно, без сомнения, распространилось, в большей или меньшей степени, так же далеко, как и землетрясение, за ним последовавшее, которое, как видно из современных свидетельств, охватило большую часть Азии, Африки и Европы.

Замечательно, что древние иудейские писатели, которые в своих сочинениях обыкновенно или отвергают или извращают чудеса евангельские, не возражают против повествования о помрачении солнца во время страданий Христовых. Замечательно также, что языческий историк Флегонт, чьи слова приводятся Евсевием, Оригеном и Юлием Африкан-

ским, настолько согласен с евангелистами в описании одного необыкновенного помрачения солнца, случившегося в царствование Тиверия, что называет для него тот же самый час (шестой или, по нашему, 3-й пополудни). Вообще надо полагать, что событие это, как и прочие чудеса, за ним последовавшие, были тогда известны всем: иначе Тертуллиан, приводя их в доказательство божественности христианской религии, не ссылался бы перед лицом сената и народа римского на публичные архивы, где хранились описания подобных явлений.

Необыкновенное помрачение воздуха, последовавшее за распятием Господа, должно было закрыть хульные уста врагов Его и произвести на них впечатление самое мрачное. Если они не посчитали этого явления следствием бесчеловечности, проявленной по отношению к Праведнику, то, согласно господствовавшим понятиям, не могли не видеть в нем предвестия общественных бедствий, тем более печального и ужасного, что оно случилось в день самого светлого праздника. В то время народы вообще верили, что необыкновенные воздушные явления, особенно помрачение солнца, предвещают худое, а иудеи тем более держались этого мнения, так как пророки, предсказывая народные бедствия, нередко соединяли с ними помрачение солнца. Особенно тьма могла просветить многих из иудеев, когда увидели, что, начавшись с распятием Иисуса Христа, она окончилась с Его жизнью; потому что обстоятельство это яснейшим образом показы-

вало, что естественным, по-видимому, событием управляет сила сверхъестественная, Божья, и что свет мира материального померк, потому что на кресте угасал Свет мира духовного.

Для почитателей Иисуса Христа помрачение воздуха и сопровождавшая его тишина в природе были благоприятным случаем приблизиться ко кресту, где в это время сделалось покойнее. Таковы были, по свидетельству евангелистов, все знакомые Господу, в частности, многие жены галилейские, пришедшие на праздник, которые, по замечанию Марка, и когда Иисус был в Галилее, ходили за Ним (Мк. 15, 41) и помогали Ему от своего имущества (Мф. 27, 55): Саломия, жена Зеведея, мать Иакова и Иоанна (Мк. 15, 40; Мф. 27, 56); Мария Магдалина; Мария, сестра Богоматери, мать Клеопы (Ин. 19, 25), Иакова и Иосии; Иоанн, ученик и друг Иисусов; Мать Господа.

Иосифа, обрученника Богоматери, не было, вероятно, не только на Голгофе, но и на земле. С того самого времени, как Иисус Христос, будучи 12 лет, приходил с родителями Своими в Иерусалим на праздник Пасхи (Лк. 2, 41–51), об Иосифе вовсе не упоминается в Евангелии, хотя при некоторых случаях весьма прилично было упомянуть о нем, если бы он был жив.

Учеников Иисусовых, кроме Иоанна, также не видно у креста: так, по крайней мере, заставляет думать молчание евангелистов. Отсутствие их тем извинительнее, что Сам

Господь и Учитель запретил им подвергать себе опасности. У Петра был свой крест: он плакал в уединении...

С Матерью Господа неразлучнее всех был Иоанн: их соединяли и равная скорбь, и равная любовь к Распятому. Ученик по чувству сердца уже занимал место сына для безутешной Матери.

Прочие почитатели Господа все еще оставались в некотором отдалении от креста (Мк. 15, 40), может быть, на одной из возвышенностей, окружавших Голгофу. Но Богоматерь, св. Иоанн, Мария Клеопова и Мария Магдалина, презирая страх и опасность, подошли так близко, что Господь не только мог видеть их, но и говорить с ними (Ин. 19, 25). Ужасный вид для сердца матери, и – такой матери, какова была св. Мария! Оружие, предсказанное Симеоном в минуты Ее радости и величия (Лк. 2, 35), пронзило теперь всю душу Ее. Дружелюбное сердце Иоанново также терзалось печалью. Видя своего возлюбленного Учителя и Друга, висящего на кресте, посреди разбойников, – он невольно должен был вспомнить о своем безрассудном прощении. Теперь ясно было, что он совершенно не знал, чего просил у Иисуса, когда желал занять место по правую Его сторону, и как горька чаша, которую он обещался тогда испить с такой решительностью (Мф. 20, 22).

Впрочем, евангелисты не говорят, чтобы Матерь Господа и друзья Его рыдали, подобно женам иерусалимским. Их рыдания возмутили бы последние минуты лица, нежно любив-

мого. Сама горесть их была выше слез: кто может плакать, тот еще не проникнут силой всей скорби, на какую способно сердце человеческое. И для Иисуса Христа взгляд на Матерь был новым мучением. Путешествуя постоянно из одной страны в другую для проповеди, Он не мог исполнять обычных обязанностей сына, но все же был надеждой и утешением Своей Матери, даже в земном отношении. Теперь Мария была Матерью уже не Иисуса, всеми любимого, уважаемого, Которого страшился сам синедрион, Который составлял предмет надежд для всего Израиля, а Иисуса, всеми оставленного, поруганного, окончившего жизнь на Голгофе, вместе со злодеями!.. Нужно было преподать какое-нибудь утешение, преподать однако же так, чтобы оно, служа отрадой на всю жизнь, не обрушило теперь на нее насмешек и преследований врагов, многие из которых находились еще у креста. Каких бы ни позволили они себе дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Матерь Иисуса? Господь не назвал Ее Матерью.

«*Жено, – сказал Он Матери, – се, сын Твой*». Взгляд на Иоанна объяснил эти слова.

Потом, указывая взором на Матерь, сказал Иоанну: «*Се, Матерь твоя*» (Ин. 19, 26. 27).

Это значило, что последняя воля Божественного Страдальца состоит в том, чтобы Матерь и ученик не разлучались и после Его смерти, как соединились теперь у Его креста; чтобы Иоанн принял на себя обязанность сына, а св. Мария

оказывала ему любовь матернюю. Ученик со всей точностью исполнил волю умирающего Учителя и Друга; и с того самого часа, как свидетельствует в своем Евангелии, принял Богоматерь в дом свой, заботился о Ней и до самой кончины Ее, как говорит предание, был Ее любящим сыном. Для св. Иоанна тем удобнее было принять в свою семью Богоматерь, что дом его был богат и благоустроен. Между тем, ученики Иисусовы, оставив все стяжания, чтобы последовать за Ним, не теряли через это прав собственности и, когда можно было, возвращались в свои дома и занимались хозяйством. И для Саломии, матери Иоанновой, усыновление сына ее Матерью Иисусовой было очень приятно. Ибо хотя она имела предрассудки в рассуждении земного царства Мессии (кто не имел их?) и получила от Иисуса Христа, как мы видели, отказ и упрек за прошение о невозможном (Мф. 20, 20–22), она несколько не изменила свое отношение к Нему и теперь, забыв об опасности, стояла на Голгофе, чтобы быть свидетельницей последних минут Его.

Усыновление св. Иоанна служит новым доказательством, что св. Иосифа не было уже в живых и что братья Иисусовы, о которых упоминается в Евангелии (Ин. 7, 5), не были Его родными братьями, как думали некоторые еретики.

При снятии со креста и погребении Иисуса о Богоматери евангелисты уже не упоминают, хотя снова говорят о прочих женах. Отсюда заключают, что Богоматерь удалилась с Голгофы еще до смерти Господа, вскоре после того, как после-

довало усыновление Иоанна. Может быть, Сам Господь дал знак ученику увести Матерь. При всей крепости духа и преданности Ее в волю Промысла, которые достаточно засвидетельствованы присутствием Ее на Голгофе и приближением ко кресту, материнское сердце могло не перенести последней борьбы жизни со смертью, которая предстояла Богочеловечку. С Богоматерью должен был удалиться и Иоанн, присутствие которого для Нее было так нужно. Впрочем, он опять явится на Голгофе и, кажется, перед самой смертью своего Божественного Друга; ибо, описывая в своем Евангелии последние минуты Его, как очевидец, и дополняя в этом отношении прочих евангелистов, он за усыновлением непосредственно повествует о жажде Господа.

Преподавая утешение другим, Господь Сам имел величайшую нужду в утешении. Со времени распятия протекло около трех часов (Мф. 27,46); боль от ран, тяжесть в голове, томление в сердце, пламень во всех внутренностях усилились до крайней степени. Никогда пророчества не исполнялись с такой силой, как теперь исполнялись на Нем слова св. Давида о Мессии: *«Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной. Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из*

меня зрелище» (Пс. 21, 15–18).

Божественный Страдалец, вероятно, Сам остановился мыслью на этом пророчестве... Сила уходила вместе с жизнью... Угасающий взор все еще стремился к небу, но оно было мрачно – ни одного луча света, ни одного утешения... Правосудный Отец как будто оставил Сына, страждущего за грехи людей... Мысль эта довершила меру страданий, и без того ужасных: человеческая природа изнемогла...

«Или, Или! – воскликнул Божественный Страдалец, – лама савахфани?» (Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?)

Ответа не было... Он заключался в наших грехах: Господь, по замечанию св. Киприана, для того спросил Отца, чтобы мы спросили самих себя и познали свои грехи. «Ибо, – продолжает священномученик, – для чего оставлен Господь? Дабы нам не быть оставленными Богом; оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти; оставлен для показания величайшей любви к роду человеческому; оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божьего, для привлечения нашего сердца к Нему, для примера всем страдальцам».

Это единственное толкование жалобной молитвы Иисуса, которое надо знать и всегда помнить Его последователям. Полный смысл этой молитвы есть и должен быть для нас тайной... Впрочем, в ней не видно никакого сомнения или огорчения. Уже повторение слов: *Боже Мой, Боже Мой*, – пока-

зывает противное. Видна только жалоба на тяжесть мучений – и внешних, и внутренних, а особенно на видимое как бы затмение Божественного единства Его со Отцом, которое заменяло доселе все утешения, и теперь, нарушившись, составило последний предел внутренних страданий и верх креста, то есть видно такое чувство, которое столь же свойственно человечеству, сколько Божеству прилично бесстрастие.

Молитвенное восклицание Господа для врагов Его послужило новым поводом к насмешкам. Изверги притворились, что не поняли Его слов, и, основываясь на некотором сходстве звучания Или с именем Илии, придали им смысл обращения к этому пророку: «Смотрите, – кричали один другому, – Он зовет Илию на помощь», то есть смотрите, как Он, и умирая, продолжает представляться Мессией: ибо все верили, что Илия вместе с другими пророками должен явиться перед появлением Мессии и быть Его предтечей и слугой; верили также, что этот пророк является иногда, чтобы помочь тем, которые его призывают.

К прочим мучениям Господа присоединялись теперь еще смертельная жажда, следствие большой потери крови, – предвестница в распятых близкой смерти. Изнемогая от этого нового мучения, Божественный Страдалец воскликнул: *«жажду!»*

Жалобный вопль этот, провиденный и предсказанный также пророком (Пс. 69, 22), тронул одного из воинов. Он тотчас окунул в уксус губку, надел ее на иссоповую трость и

приложил к устам Иисуса... Сотник не препятствовал человеколюбию подчиненного, будучи готов позволить и более, потому что распятый Праведник час от часу более привлекал его внимание и уважение.

Но враги Иисуса и здесь проявили бесчеловечность. «Оставь Его, – кричали с досадой воину, – Он надеется на Илию; так посмотрим, придет ли Илия снять Его со креста». Даже сам воин, напоивший Иисуса Христа, как бы опасаясь показаться слишком отзывчивым, говорил: «Что за нужда; может быть, Илия замедлит придти».

Вкусив немного прохладительного питья, Господь далее воскликнул громко: «*Совершилось!*» Это был последний предел и судеб Божьих, которые исполнялись теперь над Ходатаем Бога и человеков, и самых страданий Его; ибо пречистое тело Его, для которого страдания, по самому совершенству его, были невероятно мучительны, уже готово было разлучиться с душой. Возведя взор к небу, Иисус сказал: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!..» При этих божественных словах глава Его преклонилась (как обыкновенно бывает с умирающими), и Он *предал дух* (Ин. 19, 30; Лк. 23, 46)...

Так окончилась жизнь, равной которой не было и не будет на земле!

Все, сказанное Господом перед Своей смертью показывает, что мысль Его в эти решительные минуты была заключена в слове Божьем. При первой борьбе, которую Он, как второй Адам, должен был выдержать в пустыне в начале слу-

жения Своего, слово Божье было для Него единственным щитом против разжженных стрел сатаны (Мф. 4, 1—10). И теперь, в последней борьбе с немощами природы человеческой, с болезнями тела и духа, Господь обращается за утешением к тому же слову Божьему. В нем, как на чертеже Своей жизни и служения, видит настоящее, прошедшее и будущее: видит, что оставалось еще претерпеть для блага человечества, видит, наконец, исполнение всех великих судеб Божьих и как победитель, который истоптал уже точило ярости Божьей (Ис. 63, 2), восклицает: «*Совершилось!*» Нужно ли напоминать о том, как многозначительно это восклицание! Целая история рода человеческого должна служить его изъяснением; но одна только вечность раскроет вполне то, что совершилось теперь на малом холме Голгофском. Ап. Павел говорит, что на кресте расторгнуто рукописание грехов человеческих (Кол. 2, 13. 14): оно расторгнуто в ту самую минуту, когда Господь изрек: «*Совершилось!*»

При всей лютости страданий, при всем унижении, Сын Человеческий до самой последней минуты является с полным сознанием Своего Божественного достоинства и великого предназначения. Последний взор Его устремлен к небу, последний глас Его обращен к Отцу! Мы видим всемогущего Посланника Божьего, у Которого, как Он Сам сказал, никто не может взять жизни против Его воли (Ин. 10, 18). Поэтому если Он предает ее теперь, то предает Сам, добровольно и только исполнив Свое великое дело, – предает не ангелу

смерти, а *Отцу*, Который дал Ему *иметь жизнь в Самом Себе* (Ин. 5, 26)...

Впрочем, мнение, что смерть Богочеловека на кресте ускорена сверхъестественным действием Божественным, чтобы тело Его, которое должно воскреснуть, не подверглось сокрушению голеней, не может быть принято, хотя оно высказано еще древними учителями Церкви и подтверждается, по-видимому, некоторыми обстоятельствами самой истории евангельской (непродолжительным пребыванием Господа на кресте, удивлением Пилата, что Он уже умер, и сотника, что смерть Его наступила вдруг за громкими восклицаниями и проч.). Достойно ли это мнение Божественного Страдальца? Мы видели, как Он решительно отказался от всех сверхъестественных средств для Своей защиты; можно ли после этого думать, что Он воспользовался чем-то сверхъестественным для сокращения Своих страданий? Чтобы внутренний крест Его остался, так сказать, недоконченным? Нет! Кто учил других, что *претерпевший до конца спасется*, Тот Сам, без сомнения, терпел до конца: подвигоположник не может быть ниже подвижников. Вождь спасения нашего явился совершенным через страдания (Евр. 2, 10), поэтому, сокращая страдания, мы как бы сократим Его совершенства.

И не довольно ли естественных причин, которые могли ускорить на кресте смерть Богочеловека? Бичевание одно, как мы заметили, нередко оканчивалось смертью бичуемо-

го. Удивительно ли, что прервалась жизнь Того, Кто, кроме бичевания, претерпел множество других мучений, Кто еще в саду Гефсиманском был изнурен кровавым потом до того, что имел нужду в ангеле укрепляющем, а на пути к Голгофе, под тяжестью креста ослабел настолько, что даже бесчеловечные враги заметили, что жизнь Его в опасности? Если крест иногда не скоро умерщвлял, то надо помнить, кого он не скоро умерщвлял и кто были люди, которых распинали на крестах. Громкие восклицания распятых не только не показывают избытка жизненных сил, но, по замечанию опытных физиологов, являются несомненным признаком наступающей смерти. Распятые вместе с Господом должны были остаться в живых дольше уже потому, что не были подвергнуты бичеванию, да и по некоторым другим причинам.

Митрополит Сурожский Антоний

Крестный путь Христов

Когда мы говорим о крестном пути, мы, большей частью, думаем о том периоде жизни Спасителя, который начинается с Его выходом на проповедь, или чаще – о том периоде, который мы называем Страстной седмицей. Но мне кажется, что надо рассматривать, видеть этот крестный путь Господень гораздо шире. Апостол Петр говорит, что Христос – *Агнец, закланный прежде создания мира...* Еще до того, как Господь державным Своим словом создал мир, Он в Своей премудрости, в Своем извечном знании судеб знал, что случится с этим миром. Он знал, что мир, который Он создает для вечной славы, трагически потеряет свой путь, отпадет от Него и что спасение этого мира будет обусловлено, осуществлено приходом на землю, воплощением Сына Божия, Спасителя нашего Иисуса Христа. Поэтому тайна Креста как бы вписана в самую тайну Святой Троицы. Когда священник начинает всенощную, он, держа кадило в руке, начертывает им крест и произносит слова: *Слава Святей, Единосущней и Животворящей и Нераздельней Троице*; и эти слова, и это движение его руки вписывают крест в самую тайну Святой Троицы. Святая Троица – это тайна Божественной любви;

и эта Божественная любовь является одновременно и торжеством, и ликованием, и крестным состраданием со всей тварью. Центр этой тайны Святой Троицы по отношению к нам – распятая любовь.

Протопоп Аввакум в начале своего «Жития», размышляя над сотворением мира, представляет себе, как это совершилось, и говорит о том, как Предвечный Совет происходил. Отец сказал Сыну: «Создадим мир!» и Сын ответил: «Да, Отче!». «Но этот мир, – говорит Отец, – отпадет от своего пути, и для того, чтобы его спасти, Тебе придется стать человеком и умереть». «Да будет так!» – говорит Сын. И Господь создал мир.

Это, конечно, образные слова, но они выражают ту тайну любви Божией, которая не только ликует о создании, не только радуется о красоте, которую Он вписал в Свою тварь, не только дает нам свободу и жизнь и призывает нас быть детьми света и Своего Царства; эти слова открывают нам Бога, Который идет любовью до самого предела, то есть до смерти, и за предел смерти.

Вот где начинается наше созерцание, наше изумление и, может быть, наш ужас перед нашим же существованием и перед тайной нашего сотворения: Бог, который все знал наперед, нас создал, зная, что мы будем искуплены только крестом и смертью Единородного Его Сына. И в ответ на это мы можем отозваться только благоговением, благодарностью, любовью и готовностью все силы – пусть они будут

малые, но все без остатка – приложить к тому, чтобы Божия крестная любовь не осталась без ответа, чтобы крестная смерть Спасителя Христа не была нами как бы забыта или отвергнута. Вся жизнь наша, перед лицом этой тайны Агнца Божия, распятого за спасение мира, должна стать и быть одной сплошной благодарностью. А благодарность Богу можно выразить, только следуя тем путем, который ведет нас ко спасению, тем путем, который жизнью и смертью Своей проложил Господь Иисус Христос.

Это первый образ: Агнец Божий, закланный до создания мира. Этот образ Агнца, ягненка, проходит красной нитью через весь Ветхий Завет; на протяжении всего Ветхого Завета Бог ставит нас перед лицом того, что невинный страдает и погибает, потому что есть виновные, чистый погибает, потому что есть нечистота, праведник гибнет, потому что есть неправедность, и Всесвятой Бог должен умереть в плоти человека, потому что есть грех на земле. Это – закон жизни, который определяется, с одной стороны, неисчерпаемой любовью Божией, и с другой стороны – нашей греховностью. С одной стороны, Бог отдает все, с другой стороны, мы, большей частью, все отвергаем или забываем.

И вот распятие Христово, эта смерть Невинного должна нам напомнить о том, что этот страшный закон зависит от нас, и не только по отношению ко Христу, но по отношению друг к другу. По отношению к каждому человеку, к судьбе всей земли человеческий грех, человеческая злоба, неправ-

да, жестокость всегда врезаются в плоть и в душу невинного. Вот первое, о чем нам говорит образ Агнца Божия, закланного до создания мира.

Второе – это само Воплощение. Сын Божий, Которым создан мир, есть творческое Слово и, одновременно, Тот, Кто должен Своей жизнью и смертью искупить этот мир. Он его создал, зная, что будет, и Он вступает в этот мир на смерть. Каждый из нас призывается Богом из небытия во временную, преходящую жизнь, чтобы через нее вырасти в жизнь вечную. Сын Божий из вечности, из области, где нет смерти, нет ограничений, нет страдания, нет греха, нет неправды, вступает доброй Своей волей в мир греха, неправды, ограниченности и смерти для нашего спасения. Мы через временную жизнь вырастаем в вечную. Он из вечности как бы вступает во время и в земные условия, чтобы умереть.

И когда мы вглядываемся в тайну рождественской ночи, мы видим образ того, что есть любовь; видим ее образно, картинно, видим ее в Младенце, лежащем в яслях, Которого Бог и Отец нам отдал, чтобы мы, люди, поступили с Ним, как захотим... Любовь беззащитна, любовь отдает себя до конца, любовь до конца уязвима; и в лице Спасителя, родившегося в Вифлееме, мы видим, что представляет собой и Божественная любовь, и всякая любовь: отдача себя без защиты, готовность на все без сопротивления.

И этому можно научиться, потому что здесь уже область наша, земная. Какова наша любовь? Можем ли мы говорить

о любви к самым близким, или к более дальним, или к Богу в таких категориях? Разве мы отдаем себя своему ближнему, даже и самому дорогому, без всякой мысли о том, чтобы сохранить свою «цельность», защитить себя от ран, от боли, от унижения, от разочарования, от измены, от обмана, от всего, что может нас ранить? Неужели наша любовь такая открытая, такая отданная, такая беззащитная, что готова на все, только бы не перестать, не измениться, не поколебаться? Вот о чем нам говорит Воплощение: о любви и о том, какова она. И если такова Божия любовь к нам и если Христос говорит нам: «Я вам дал пример, последуйте ему», – то этот образ мы должны воспринять ответственно.

Дальше мы видим в жизни Спасителя, как Его приносят в храм. Божия Матерь и названный Его отец, Иосиф, приносят Его в храм поставить перед Богом. Что это значит? Что обозначает этот обряд, о чем говорит этот праздник? Если вспомнить Ветхий Завет, то мы увидим, что Богу пришлось подвергнуть египтян одному ужасу за другим, чтобы освободить Израиль из египетского рабства; и предельным ужасом была смерть каждого первенца в Египте. И как бы выкуп за этот ужас Господь дал повеление Моисею: Он потребовал, чтобы каждый первенец мужеского пола, рождаемый от израильской матери, приносился к Нему в храм в жертву; то есть отдавался бы Ему на жизнь и на смерть, отдавался так, чтобы Бог мог решить: берет Он его и принимает Он его как кровавую жертву или отпускает за выкуп. Этим выкупом для

более богатых людей был ягненок, а для бедных – два голубя.

Через всю историю Израиля проходит образ: для нашего спасения погибли дети египетские, и в выкуп за них мы приносим наших сыновей – перворожденных, самых дорогих. И Господь в Своей милости не требует от нас смерти этих детей, Он их отпускает с миром жить, но жить они должны уже как собственные Божии дети. В какой-то день в храм приносится особенный ребенок, небывалый ребенок: это Божий Сын, рожденный от Девы Иисус Христос. И Божий Сын, рожденный от Девы, Который через Свою Мать принадлежит к израильскому народу, а по Своему Отцу принадлежит вечности Божественной, этот Ребенок Богом принимается; только на время Бог приемлет в выкуп голубей, на то время, пока не совершит Его собственный Сын все, что Ему положено совершить – дело безграничной любви. А закончит Он Свою жизнь как кровавая жертва; единственный из первенцев за всю историю израильского народа Он умрет, потому что был принесен в храм как выкуп за Израиль, а также и за младенцев египетских, показывая этим, что Его смерть является спасением не только избранного народа, но всего человечества без остатка. Он умирает за всех и приносится Он за всех.

Здесь, так же как и в Воплощении, как бы одностороннее действие Божие: **Бог** отдает Своего Сына, **Бог** совершает воплощение и **Бог**, во Христе, отдает Себя. Младенец этот пока еще не берет Сам на Себя, в Своей поистине царственной

человеческой свободе, той задачи, которую Бог на Него возлагает; здесь Он является агнцем, голубем невинным, приносимой жертвой.

И следующий шаг мы видим в день крещения Господня. Господь Иисус Христос вырос в полную меру Своего человеческого роста, Своей зрелости человеческой; и в этот момент Он, как *человек Иисус Христос*, по словам апостола Павла (Рим. 5, 15), берет на Себя все, что возложил на Него Бог в воплощении и в тайне Сретения, все, что Он принял на Себя в Извечном Совете по Своему Божеству. Он приходит на Иордан. И значительны, знаменательны слова, которые провозглашает Иоанн Креститель: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя весь грех мира, Который на Свои плечи берет мир с его грехом, со всеми последствиями этого греха»... И Христос требует крещения. Иоанн справедливо говорит: «Зачем? Как мне, человеку грешному, крестить Тебя, Бога воплощенного?» Зачем Ему креститься? Крещение Иоанново было крещением покаяния за грехи, но нет греха во Христе. Что же происходит? Происходит, может быть, то, что описывается в одной проповеди на Крещение Господне: воды иорданские омыли грехи десятков, сотен, может быть, тысяч людей, которые с покаянием пришли к Иоанну; эти воды отяжелели человеческим грехом. Они омыли греховность и из простых, земных вод стали как бы мертвой водой, где грех человеческий убил всякую возможность жизни; они стали водами способными, омыв грех, возложить его на Без-

грешного, приобщить Его не к греху, а к смерти, которую за собой приносит грех. И Христос погружается в эти воды. Он, безгрешный, бессмертный, погружается в эти воды смерти и восстает из них, как бы облеченный в смертность погибшего человечества, в смертность, которая является следствием греха. Воды смерти... Но эти воды, к которым прикоснулось Его Божественное тело, теперь несут в себе не смерть, а жизнь. Эти воды иорданские приобрели как бы новое значение; и когда мы освящаем воду в крещенский праздник, или при крещении детей, или при любом случае, мы просим, чтобы им было дано приобщиться тайне Иордана. Простые воды прикоснулись к телу воплощенного Бога, и очистились, освятились, это уже не простые воды, а воды, носящие в себе жизнь, способные приобщить других к той жизни, которая ключом была во Христе.

И выходит из этих страшных вод иорданских Христос как бы облеченный в смерть. Проповедь, которую я упомянул, сравнивает эту тайну с погружением белой материи в краску красильщика. Погружается незапятнанная белизна, а выносятся материя кровавого или черного цвета: кровь или смерть. Из древности, из греческой мифологии мы знаем образ, который уже говорил об этом. Это рассказ о Геркулесе, человеке небывалой силы, который творил только добро вокруг себя, уничтожал зло, и в этой борьбе со злом насмерть ранил кентавра. Кентавр, в котором зло было ключом, погрузил в свою кровь одежду и послал ее Геркулесу в подарок. И

когда Гераклес надел эту хламиду, она прилипла к его плоти, стала жечь его, и он начал рвать ее с себя, но сорвать ее он мог только ценой собственной смерти. Так и Христос может освободиться от смертности, от последствий нашего греха, которые Он воспринял в крещении, только Своей смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.